ВАДИМ СЕМПЕРИН

12+

NOPE

NO OBLIGATIONS, PROTECTED EASE

Моя дорога к защищённому комфорту

Вадим Семперин

NOPE. No Obligations, Protected Ease. Моя дорога к защищённому комфорту

«Издательские решения»

Семперин В.

NOPE. No Obligations, Protected Ease. Моя дорога к защищённому комфорту / В. Семперин — «Издательские решения»,

Можно ли однажды перестать беспокоиться о деньгах и позволить себе жить спокойнее? Эта книга — личная история пути от бедности и постоянной экономии к финансовой устойчивости и защищённому комфорту. Не инструкция по обогащению, а размышление о деньгах, свободе и праве не брать на себя лишнего. О том, как научиться не только создавать безопасность, но и пользоваться ею.

© Семперин В.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие 6
Глава 1. Монастырь, двор и сберкнижка 7
Глава 2. Кастрюля, плацкарт и сто рублей 11
Часть 1 12
Конец ознакомительного фрагмента. 14

NOPE
No Obligations, Protected Ease. Моя дорога к защищённому комфорту

Вадим Семперин

© Вадим Семперин, 2026

ISBN 978-5-0071-7249-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
No Obligations, Protected Ease. Моя дорога к защищённому комфорту

Предисловие

Эта книга — не про то, как разбогатеть. И не про то, как уволиться и уехать к морю. Она про то, как человек, который с семнадцати лет считал каждую банкноту, к середине жизни получил право не тащить лишнее — и пока этим правом не воспользовался.

Я не финансовый советник. Я не мотивационный спикер. Я не рассказываю, как «правильно» жить. Я рассказываю, как жил я: как откладывал десятую часть с маминых переводов, как спал на столе на складе, как терял деньги на чужой уверенности, как долгие годы выбирался из жизненной ямы и женился только после того, как выбрался. И как в какой-то момент понял, что главное — не «достичь», а получить право выбрать.

Вообще, с возрастом начинаешь замечать странную вещь: многие вещи, к которым мы стремимся, нужны нам не сами по себе, а ради возможности от них отказаться.

Мы хотим денег, чтобы не думать о деньгах. Хотим хорошую работу, чтобы однажды не зависеть от неё. Хотим собственный дом, чтобы больше никуда не переезжать. Даже отпуск иногда планируем с таким напряжением, будто это ещё один проект, который необходимо успешно завершить.

Получается своеобразный парадокс: мы тратим годы на то, чтобы получить возможность ничего не делать. И, возможно, это не такая уж плохая цель. Просто её редко формулируют вслух.

Это книга для тех, кто устал тащить чужие обязанности и хочет понять, как отделить своё от навязанного. Для тех, для кого безопасность — не абстракция, а необходимость. Для тех, кто уже достиг финансовой независимости, но всё ещё не может отпустить обязанности, которые ему не нужны. Для тех, кто вырос в бедности и боится вернуться.

Эта книга — не учебник. Я не даю «метод». Я рассказываю, как я отделял своё от навязанного. И если вы увидите в этом что-то своё — значит, книга написана не зря. А если нет — значит, это не ваша история, и это тоже нормально.

Если вы ищете «как разбогатеть быстро» — закройте эту книгу, она не для вас. Если вы ищете «как перестать тащить лишнее и начать жить» — добро пожаловать.

Я не знаю, когда окончательно выброшу все ненужные обязанности. Но я знаю, что могу. И эта книга — о том, как я к этому пришёл.

Глава 1. Монастырь, двор и сберкнижка

«Время, которое так быстротечно, время, уходящее безвозвратно, — вот драгоценнейшее достояние человека, и выбрасывать его на ветер есть самая изощренная форма расточительства».

— Сомерсет Моэм, «Нищий»

Городок, где я вырос, был маленьким — тысяч восемьдесят человек, если считать с пригородами, и стоял он в четырёхстах километрах от Москвы, точно в стороне от большой дороги. В нём было всё, что положено: монастырь девятнадцатого века с крепкими стенами, сквер, старый город со сталинками пятидесятых, зелёные дворы и речка, вода в которой летом становилась тёплой, как парное молоко. Летом пахло липой и тополями — сладко и немного пыльно. В июне от тополей шёл пух: белый, лёгкий, он ложился на землю, как первый снег, и мы поджигали его, и он вспыхивал, как порох, бежал по земле, и мы бежали за ним, и это было лучше всякого фейерверка. Зимой пахло мокрым снегом. Я до сих пор, когда чувствую запах липы, вспоминаю не Москву, а тот двор.

Двор был большой и зелёный, с вытоптанной землёй посередине, где играли в вышибалы, в прятки, в казаки-разбойники. Я был обычным мальчишкой, пока не научился считать деньги. А считать я начал рано — не потому что был умным, а потому что мне подарили сберкнижку.

Но ещё раньше была морковка.

Когда мне было четыре года, меня отдали в круглосуточный детский сад. В понедельник приводили, в пятницу забирали. Мама давала с собой вкусности — конфетки, фрукты, овощи. Я так скучал по дому, что решил оставить одну морковку. Не съесть, а сэкономить. Положил её под кровать и каждый день проверял, там ли она. Это давало чувство дома: пока морковка лежит, я как будто не совсем здесь, а немного ещё там.

А потом была плановая уборка. Старушка уборщица вымыла спальню, и когда мы вернулись с прогулки, морковки под кроватью не было. Я ничего не спрашивал. Просто не нашёл и всё. Но было очень грустно.

Если посмотреть на эту историю с сегодняшней точки зрения, в ней есть почти все элементы взрослого финансового поведения: отказ от немедленного потребления, желание сохранить ресурс и регулярная проверка его сохранности. Правда, ресурсом была одна морковка, а срок её хранения, как выяснилось, зависел не от меня.

В четыре года я ещё не знал ни слова «диверсификация», ни слова «ликвидность». Да и брокерский счёт открыть было негде. Зато уже знал, что иногда самое ценное — это не то, что ты съел, а то, что у тебя осталось.

Моя первая инвестиционная стратегия оказалась неудачной. Но, по крайней мере, я не потерял всё из-за паники на рынке. Меня обыграла уборщица.

Было мне десять лет, шёл март девяносто первого года. Дед подарил мне сберкнижку, на которой лежало десять тысяч советских рублей. Вклад на десять лет. Мне было десять. Десять тысяч. Десять лет. Мне эта симметрия казалась тогда очень важной, почти волшебной, как будто сама арифметика обещала, что всё сбудется. На те деньги тогда можно было купить хороший автомобиль. Я помню, как держал эту книжку в руках — тонкую, с шершавой обложкой, — и думал: вот пройдёт десять лет, и я буду очень богатым. Я даже подсчитал, что этих денег хватит на пассажирский авиалайнер. Мне казалось, что деньги умеют ждать. Что если положить их и не трогать, они сами сделают меня взрослым и сильным.

Через несколько месяцев страна, в которой эти деньги имели смысл, закончилась. Гиперинфляция съела вклад почти полностью. Я получил его позже, когда приезжал на каникулы в родной городок, — и к тому времени от десяти тысяч советских рублей осталось совсем мало,

настолько мало, что даже не помню, на что хватило. Что деньги надо не просто копить, а защищать, я понял гораздо позже, лет в пятнадцать. Но тогда, в десять, я просто держал в руках книжку и верил, что она делает меня богатым.

В этом есть определённая историческая ирония. Деньги обычно воспринимаются как нечто очень конкретное: бумажка, цифра на счёте, сумма, которую можно пересчитать. Но на самом деле деньги — это ещё и договорённость о будущем. Ты отдаёшь сегодняшнюю часть своей жизни в обмен на обещание, что завтра сможешь получить что-то взамен.

Проблема в том, что будущее не всегда соблюдает договорённости.

В этом смысле моя сберкнижка была не столько финансовым инструментом, сколько первым уроком доверия к большим системам. Дед доверил им свои десять тысяч рублей. Они не оправдали доверия. И, возможно, именно тогда у меня появилось желание не просто иметь деньги, а понимать, что с ними происходит.

Мама работала инженером в научном институте. Дед до пенсии тоже был там инженером, бабушка — в аптеке. В доме был немецкий гарнитур, тёмный и тяжёлый, как всё, что делалось на века, а в гараже стоял хороший автомобиль. Это не роскошь, это была нормальная жизнь советской инженерной семьи: всё добротное, всё надолго, всё куплено один раз и навсегда. Был ещё двухэтажный кирпичный дом на даче, где на втором этаже дед держал пчёл — они гудели над головой, как маленький самолёт, и пахло воском и мёдом. По тем временам такой дом был редкостью, и некоторые соседи думали, что дед украл деньги или материалы. А он просто копил — годами, как потом копил и я.

Отец ушёл, когда я был маленьким. Он пил, и его просто не стало в моей жизни. Я не хочу об этом много говорить, потому что говорить нечего: его не было, и всё. Мама осталась одна. Я не помню, чтобы она жаловалась. Я помню её лицо — спокойное, усталое, без надрыва.

В третьем классе я решил продавать вкладыши от жвачек. Не потому что мне нужны были деньги на что-то конкретное, а потому что мне казалось это интересным: у других ребят были вкладыши, они их коллекционировали, а я решил, что можно не коллекционировать, а продавать. Вкладыши тогда были валютой во дворе — пёстрые, пахнущие жвачкой, они переходили из рук в руки, как настоящие деньги. Я не был коллекционером. Я был торговцем.

Это закончилось быстро. Учительнице донесли. Она отругала меня перед всем классом и назвала «кооператором». Сказала, что из-за таких, как я, в стране проблемы. Мне было девять или десять лет, и я не понял, что такое «кооператор», но понял другое: инициатива наказуема. Что-то в этом было неправильное — не в моём поступке, а в том, как на него посмотрели взрослые. Я запомнил это чувство и пронёс через всю жизнь.

Сейчас слово «кооператор» звучит почти музейно. В нём есть что-то от эпохи, когда человек, пытавшийся заработать самостоятельно, мог одновременно считаться и предпринимателем, и подозрительным элементом.

Впрочем, детство вообще плохо приспособлено для экономических дискуссий. Ты просто видишь, что у тебя есть вкладыши, у другого мальчика есть желание их купить, и между вами возникает рынок. Никакой макроэкономики, никаких инвестиционных стратегий. Просто спрос, предложение и учительница, которая этим недовольна.

Возможно, это был мой первый опыт столкновения не с экономикой, а с отношением окружающих к чужой инициативе. Сам факт, что можно что-то придумать и самостоятельно получить результат, оказался интереснее самих вкладышей.

А потом мне исполнилось двенадцать, и я влюбился. Девочка была из нашего двора. Имя её я не назову — она не давала на это согласия, да и не в имени дело. Дело в том, что её отец был «кооператором», а семья моего лучшего друга была из тех, кто этих кооператоров не любил, — «коммунисты», как он их называл. Друг её невзлюбил. А я встал не на его сторону. Мы разругались. Друг остался в прошлом, девочка — тоже. Я с ней так и не общался.

Тогда, в двенадцать лет, я не понимал, что это был не просто детский конфликт, а столкновение двух миров, которое шло в стране. Для меня всё было проще: я выбрал не того, кого выбрал мой друг, и потерял друга. После того лета я ушёл в учёбу. Не потому что стал прилежным, а потому что мне нужно было чем-то занять голову. Я решил, что если буду лучше учиться, то потом смогу добиться всего — и её тоже. Это было глупо и по-детски, но это сработало: я перестал гулять во дворе, перестал смеяться и улыбаться так, как раньше, и засел за учебники. Я стал лучше учиться. Учителя это заметили. Мама — тоже, но она ничего не сказала, просто стала чуть спокойнее.

Я не хочу здесь подробно говорить о том, что было со здоровьем. Скажу только, что с двенадцати лет у меня были вещи, которые я предпочитал скрывать и из-за которых перестал чувствовать себя свободно среди людей. Это не смертельно, это не трагедия. Но это повлияло на то, как я вёл себя в школе и во дворе. Я стал тише. Я стал больше читать — был частым гостем в библиотеке, и мне даже доверяли ценные экземпляры из фонда, не из общего зала. Я стал тем мальчиком, который лучше учится, но с которым не очень весело.

Когда мне было тринадцать, случился ещё один эпизод, связанный с деньгами. Одним летом на даче уродилось очень много яблок. Я собирал их, складывал в коляску и привозил в городок. Бабушка продавала яблоки прямо на улице. Выручку мы делили: треть доставалась мне, две трети — ей.

Это была уже не игра во вкладыши и не подаренная сберкнижка. Я сам собирал яблоки, перевозил их, участвовал в небольшом семейном деле и получал свою долю. Впервые деньги были связаны не с подарком, а с конкретной работой, которую я сделал.

В шестнадцать лет я снова подрабатывал летом, на этот раз собирая целебные растения. Ходил по полям и лесам, собирал травы, а потом сушил их на втором этаже дачного дома. Это была совсем другая летняя жизнь: вместо дворовых игр — поля, лесные тропинки и работа с растениями. На втором этаже дачи постепенно появлялись заготовки, которые нужно было правильно высушить.

Если посмотреть на это со стороны, получается довольно разнообразное начало трудовой биографии: сначала торговля вкладышами, потом яблоки в коляске, затем целебные травы. До офисной карьеры и финансовых рынков было ещё далеко. Но я уже пробовал разные способы заработать собственные деньги.

Я не могу сказать, что тогда у меня была какая-то продуманная стратегия накопления. Денег в детстве у меня не было, а эти летние заработки были отдельными эпизодами. Но, возможно, именно они постепенно формировали простое представление: деньги можно не только получить от кого-то — их можно заработать самому.

И вот в этом тихом мальчике постепенно росло другое желание: иметь возможность обходиться без чужой помощи. Я не мог объяснить этого тогда, но чувствовал: когда ты зависишь от чужого решения, у тебя меньше свободы. А просить я не любил. Не из гордости, а потому что просить — это когда ты зависишь от чужого решения. Мне хотелось самому определять, что делать дальше.

У философов древности была интересная мысль: человеку для спокойной жизни нужно не так уж много. Эпикур, например, различал естественные и необходимые желания, естественные, но необязательные, и желания, которые возникают скорее из тщеславия или привычки. Если перевести эту мысль на современный язык, проблема часто заключается не в недостатке ресурсов, а в количестве вещей, от которых мы считаем себя зависимыми.

У меня тогда не было философской системы и особого понимания жизни. Была только простая мысль: хотелось иметь возможность не просить. И это, пожалуй, было важнее самого запаса.

Но самостоятельность не возникает только от желания. Можно собирать яблоки, сушить травы, продавать вкладыши, но всё это оставалось частью знакомого мира — двора, городка,

дачи, семьи. Чтобы однажды действительно распоряжаться собственной жизнью, нужно было выйти за его пределы.

И для начала — уехать в Москву. С кастрюлей, несколькими вещами и довольно смутным представлением о том, что меня там ждёт.

Глава 2. Кастрюля, плацкарт и сто рублей

«Каждый раз, когда вы держите понравившуюся вещь в руках, задавайте себе один-единственный вопрос: „А я смогу без этой вещи прожить?“»

— Ирина Соковых, «Минимализм»

Часть 1

В девяносто восьмом году в наш город приехали экзаменаторы из столичного университета. Это была такая практика: университет искал способных ребят в регионах и давал им шанс поступить без поездки в Москву, по результатам экзамена на месте. Я пошёл. Не потому что был уверен в себе, а потому что мама сказала: «Сходи». Она всегда говорила «сходи», когда я сомневался. Это был её способ поддержки — не уговаривать, не убеждать, а просто разрешить попробовать.

Экзаменов было два, оба письменные — физика и математика. Что было в билетах, я не помню совсем. Помню только, что задачи были непростые и что два года до этого я ходил на подготовительные курсы при школе, где мы прорешивали варианты прошлых лет. Это меня и спасло. Два года однообразной, скучной подготовки оказались нужнее всего остального.

Результаты вывешивали в школе. Я пришёл, нашёл себя в списке, посмотрел оценки — и это был проходной балл. Ровно столько, сколько нужно. Я стоял в школьном коридоре и чувствовал, что впереди новая жизнь. Теперь всё будет по-другому.

Мама поздравила. Она не сказала «ты справишься» или «мы в тебя верим». Она сказала что-то вроде «ну что ж, поезжай» — и это было лучше любых слов, потому что означало: она не сомневается, что я доеду и не пропаду.

Собирала меня мама. Тарелка, чашка, какие-то вещи из одежды, документы — всё, что нужно для жизни в общежитии. Я знал, что лежит в сумке, сюрпризов не было. И была кастрюля. Обычная кастрюля, которую мне дали с собой, потому что в общежитии надо было как-то готовить. Я вёз её в Москву, четыреста километров, и она гремела на полке. Мне было семнадцать лет, и я вёз с собой кастрюлю, чтобы варить в ней гречку.

Сейчас это звучит почти комично: большой город, университет, новая жизнь — и кастрюля как главный предмет багажа. Но тогда в ней было всё необходимое для самостоятельности. Не в переносном, а в самом прямом смысле: чтобы приготовить еду, не зависеть от столовой и не тратить лишнего. Я не покупал её специально для переезда — просто взял с домашней кухни ту, что была под рукой. Впрочем, для начала самостоятельной жизни иногда достаточно не купить что-то новое, а забрать с собой кусочек привычного мира.

В Москву я ехал поездом, ночью, в плацкарте. Со мной были одноклассники — те самые, с которыми мы вместе поступили. Мы ехали втроём, и это было легче, чем ехать одному: можно было не думать о том, что впереди, а просто смотреть в окно и слушать, как стучат колёса. Ночью поезд шёл через поля и маленькие станции, и на каждой станции фонари качались, как будто провожали нас.

Утром мы вышли из метро. Было прохладно. Я поднял голову и увидел верхушку шпиля — она торчала над деревьями, тонкая и высокая, как будто её воткнули в небо. Я стоял и смотрел на неё, и мне казалось, что я попал в другой мир, где всё больше, выше и холоднее, чем дома.

Общежитие встретило нас плохим ремонтом. Рваные занавески, надписи на обоях, поцарапанная дверь. Нам выдали бельё, показали комнату — на троих. И это были не чужие люди: со мной жили те самые два одноклассника, с которыми я приехал. Мы знали друг друга с детства, и главное — мы были из одного городка, из одной школы. Это было и хорошо, и странно: дома я мечтал о новой жизни, а оказалось, что новая жизнь начинается с теми же людьми, что и старая.

Готовили мы на общей кухне. Батон хлеба покупали один на троих. Уборка была по очереди, хотя не всегда соблюдалась: кто-то забывал, кто-то делал вид, что забыл. Я не спорил. Мы были как космонавты на станции: деваться друг от друга некуда, поэтому лучше не ссориться.

Мама переводила мне деньги через Сбербанк — клала в городке, я снимал в Москве. Присылала небольшую сумму, без перебоев. Стипендии не было, подработки тоже. Из этой суммы я откладывал десятую часть. Остальное тратил по чуть-чуть. По доллару в день обычно.

Соседи знали, что у меня есть запас. Они занимали в порядке вещей: «Дай, я потом верну». И я давал. Мне было неловко отказывать. Получалось, что деньги, которые я откладывал ради независимости, иногда становились источником чужой зависимости от меня. А моя собственная независимость в этот момент немного откладывалась.

Ел я самое дешёвое. Хлеб, гречка с майонезом, картошка. Редко — пельмени или сосиски. Еда была всегда, но самая дешёвая. Я не голодал. Я просто знал цену каждому продукту и выбирал тот, который оставлял мне запас. Иногда очень хотелось колы — просто колы, холодной. Но она стоила денег, а денег было жалко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.